

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛЕВ
ПРОЗОРОВ

МЕЧЕСЛАВ

«Я сам
себе дружина!»

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Художник *И. Варавин*

Прозоров, Лев Рудольфович.

П79 Мечеслав. «Я сам себе дружина!» / Лев Прозоров. — Москва : Яуза-пресс, 2016. — 352 с. — (Исторические приключения).

ISBN 978-5-9955-0874-8

Он рожден с благословения Бога войн и наречен в честь отцовского меча. Он убил первого врага в девять лет, а в четырнадцать — прошел Перуново посвящение и надел воинскую гривну. Он с молоком матери впитал ненависть к проклятому хазарскому игу и готов отдать жизнь за освобождение родной земли от «коганных». Если придется, он в одиночку примет бой против сотни степняков, бросив в лицо смерти: **«Я сам себе дружина!»**

Но, слава Перуну, он уже не один — против Хазарского каганата поднимается вся Русь, и Мечеслав по прозвищу Дружина принимает присягу князю Святославу, встав под алый стяг со знаком разящего Сокола и солнечной Яргой-коловратом, священным символом Бога Правды и Чести...

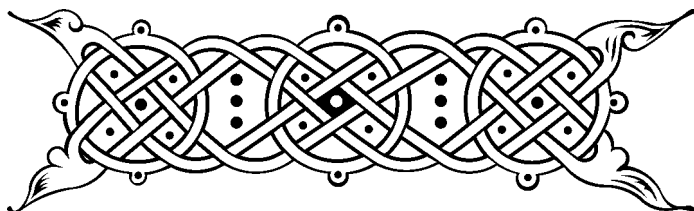
Ратный боевик от ведущего историка Языческой Руси! Русские дружины против «коганных» орд. Славянские волхвы против хазарских рэбе и греческих попов. Прямые, как Правда, русские мечи против кривых сабель. Языческая Ярга против хищной хазарской звезды. Светлые боги против кровавого «Чуда-Юда». Слава Перуну!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0874-8

© Прозоров Л.Р., 2016
© ООО «Яуза-пресс», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ЛЕСНЫХ
УБЕЖИЩАХ

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов, вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много разнообразных способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей.

*Маврикий Стратег, византийский император,
о славянах. VII век от н.э.*

Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или выгравить из леса
Пятигорского черкеса.

*А.С. Пушкин,
«Сказка о мертвой царевне
и о семи богатырях»*

От пишущего о прошлом — создающему Будущее
Олегу Николаевичу Верещалину,
С «белой» завистью и уважением
Посвящает эту книгу автор

ЗАЧИН

Кто не видел сам — не поверит, как скоро может скакать по лесу конный, да еще в туманном предрассветье. Чужак враз стубит коня, а то и сам сгинет — долго ль свернуть шею, сверзившись, или разбить лоб крепким суком? Но и всадник, стиснувший бедрами конские бока, и невысокий скакун, еще не сменивший толком длинную, мышастую зимнюю шерсть на бурую, летнюю, были в лесу дома. Ноги коня помнили лесную тропу так же хорошо, как всадник — вылетающие временами из тумана навстречу толстые ветви. Кланялся загодя, как старому знакомцу, еще не увидав лица — узнав по шагу, по тысяче иных примет, что входят в память, минуя мысль. Так же хорошо помнил дорогу и несущийся у стремени пес. И пес, и конь были лесу пасынками, полукровками — в облике одного угадывалась волчья кровь, в другом — порода лесных коньков, чьих степных братьев кочевники называли звонким словом «тарпан» — «летающий во весь опор». Один был потомком домашней суки, привязанной, во благо породы, за околицей в студеный месяц волчьих свадеб. Пращуров другого жеребьятами изловили на глубо-

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

ком снегу, захлестывали шею и ноги волосяными веревками и уводили в теплые конюшни.

Оба они были полукровками, но не их хозяин, сидевший в седле. Не было в его роду связанных пленниц, с дрожью ждавших грубой ласки чужака. Никого из его предков не привели в дом на веревке. В его роду не знали кнута и никогда не кусали по указке псаля, отцеплявшего сворку.

Конь и собака принадлежали лесу наполовину. Человек — целиком.

Потому-то и был хозяином.

Наверное, не было нужды так спешить. Бессон, мальчишка-селянин, добравшийся до середины лесной тропы, по всему был единственным, ускользнувшим от неведомых чужаков. Иначе бы другие уже появились возле условного места — там, где лесная тропа становилась болотной, там, куда Село приходило к Лесу, ища справедливости и защиты. Рассказать о чужаках он тоже ничего не сумел. В подреберье он принес в лес стрелу — да и вырвал ее по дремучей селянской глупости, — ну откуда ж ему было знать, что так не делают? Тропинка, по которой пришел, пахла кровью. Он еще жил, когда, привлеченные суетливой переключкой сорок, на него вышли дозорные. Сумел узнать нагнувшегося к нему Мечеслава, счастливо улыбнуться — дошел, успел... а на яростное, короткое, как удар: «Кто, Бессон?! Кто?!», уже не ответил. Сорвался в холодные воды Забыть-реки. Уплыл. Осталось тело — на узком белом лице черной рябью где веснушки, где брызги крови, не разберешь в свете летних звезд. Закатившиеся глаза. Рваная рубаша с дырою над почерневшей полрой. Штаны, что шестилетка едва успел надеть, разодраны на левой ноге. Грязные, избитые лесными корнями босые ступни.

Мечеслав. «Я САМ СЕБЕ ДРУЖИНА!»

Надо было подождать — не утра, так слова старших. А он... а он скинул стынущего мальца на руки меньшим — «Деду расскажете!» — и вскочил в седло. «Я — разведать!». Разведчик сыскался... И обиднее всего, что все поймут — и дед, и дядья... что там, меньшие, женщины — и те догадываются, что взметнуло его в седло и погнало сквозь ночной лес к погибавшему, если не погибшему еще Селу.

Верней сказать — женщины-то и догадуются. Первыми. И это, пожалуй, досаднее всего.

Но... Мечеслав знал, что делает то, что должен. Вот такая выходила странность — надо было одно. А должен он был делать другое. До сих пор «надо» и «должен» в его жизни не расходились, а этой ночью — разошлись. Об этом стоило подумать — когда-нибудь. Не этой ночью.

Глава I

Другая ночь

Женщина проснулась от голосов. Встала. Прошла мимо спящих золовок, свекрови и прочих свойственников к двери, что вела в гридню. Там не спали, сквозь щель пробивался свет и слышались голоса, один из которых она узнала. Муж! Вернулся, радостно стукнуло сердце. Но почему ночью, почему не приехать утром, на рассвете, почему он вернулся в родной дом словно тайком?

Подошла тихо, босыми ногами по плахам пола.

— Так худо? — голос батюшки-свекра Воислава. И голос мужа в ответ:

— Надо б хуже, да некуда...

— Рассказывай. К нам придут не завтра. Время еще есть.

Скрипнула скамья — видно, муж приготовился рассказывать и впрямь долго.

— На вече громче всех кричали тешиличи, колты... из прочих торговых городов. Говорили, нам тут, наверху, терять нечего, а воевода хазарский...

— Каратель, — тихо, но твердо сказал свекор. — Каратель, сын. Воеводы водят воинов в битву, а не приказывают палачам. У хазар нет воевод, только каратели...

Мечеслав. «Я САМ СЕБЕ ДРУЖИНА!»

Она очень хорошо представила себе, как молча наклонил муж остриженную в кружок голову. Как, подняв лицо, вопросительно глянул на отца.

— Продолжай, — в лад ее мыслям раздалось из-за двери.

— Говорили, хазарин говорит разумные вещи и поклониться Итиль-Кагану... — муж замолк, словно переводил дыхание перед тем, как выговорить следующие слова, — что поклониться Итиль-Кагану не бесчестье.

Снова тишина, женщина слышала, как бьется ее сердце, и удивлялась, что там, за дверью, этого не слышат. Сама она слышала даже треск горящих лучин.

— Говорили, хазары переменились, они согласны брать дань серебром, а не девками, с ними, мол, можно иметь дело.

— Переменились... — В голосе свекра сухо хрустнула невеселая усмешка. — Змея шкуру каждый год меняет, а яд в зубах прежний держит. А те, что к Киеву тянут?

— Плохо в Киеве, отец, — тихо сказал муж. — Те, кто ездили, вернулись ни с чем и говорят недоброе. Князя убили.

— Какого?

— Великого князя. Сына Сокола.

— Вот как... — медленно выговорил свекор, и в его голосе она расслышала и морщину, пролегшую через лоб, и тяжко приспустившиеся веки. — Кто?

— Говорят, деревляне... только говорят такое, что ездившие ушам не поверили. Будто государь решил взять с Дерев вторую дань.

— Игорь?!

— Игорь, отец.

Теперь подало голос сиденье свекра — тот встал, прошелся по покою. Молвил глухо:

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

— Дальше.

— Будто его ближняя дружина уговорила. И государь поехал туда... с дружиной. Взял вторую дань, а потом еще захотел, большую дружину в Киев с данью отпустил, а с меньшей назад подался. И его убили. Его и всех, кто с ним был.

— Что... — свекор словно подавился словами. — Что за бред?!

— Так говорят, отец, — тихо пояснил муж. — Так говорят в Киеве.

Свекор помолчал, дыша тяжело и хрипло. Вдохнул, похрустел шеей.

— Дальше!

— Потом приехали люди из Дерев. Говорят, они приехали сватать государыню...

— Убив государя?!

Молчание, потом снова голос мужа:

— Их приняли в тереме с почетом. Но назад они не вышли, и это видели многие. А назавтра ударило било, и люди государыни рассказали... все то, что я тебе сейчас говорю, отец.

— А полянам не надо долго объяснять, что жители Дерев злодеи и убийцы... — свекор вновь невесело усмехнулся в усы. — Дальше, сын, дальше...

— Все так, отец. Все люди города стали кричать, что Дерёву надо наказать, так наказать, чтоб навек запомнила. Княгиня собрала войско и ушла в Деревя. Говорят, пожгла главный город и перебила много людей.

— Короче, — перебил свекор решительным и злым голосом, — князя нет, лучших его воинов и воевод нет, киевское войско устало после похода, да и поворачиваться надолго спиною к Дерёвам Киев теперь не решается, так?

Мечеслав. «Я САМ СЕБЕ ДРУЖИНА!»

— Можно сказать, что так, отец. Хотя... хотя все хуже. Наших просто не пустили на киевскую Гору.

— Что?! — вновь было начавший расхаживать по покою свекор остановился, словно ударился о стену. — Почему?

— Им не объяснили, — угрюмо ответил муж. — Долго держали на Подоле у Почайны. А потом пришел бирич, бирич Синко, ученик старого Стемира, сказал, что княгиня не будет их принимать. Он помнил Домагостя и Пересвета по греческому походу... но ничего не мог поделать.

— Я его тоже помню, — проговорил свекор. — А сыновья Игоря? Что с ними?

— Старший, княжич Володислав, погиб с отцом. Младший, Глеб, сейчас с матерью, с Ольгой. Где средний... где средний, никто не знает. Говорят, отец отдал его в воспитание сыну Ольга Вещего, Ясмунду.

— Если так, — вздохнул свекор, — я за него спокоен. Я не спокоен за нас... Они, те, кто ездили, — они ведь рассказали на вече о том, что видели в Киеве?

Муж только вздохнул в ответ. Вздыхали они похоже — непривычный и пугливый человек мог испугаться, услышав. Да и непугливые вздрагивали — похоже было на короткий глухой взрык спящего медведя в берлоге.

— Как утаить... рассказали.

— А может, и стоило утаить! — упрямо рыкнул свекор. — Может, и стоило. Уж лучше с напрасной надеждой в бою лечь, чем без всякой под ярмо пойти... ладно. Рассказывай.

— Что рассказывать... — хмуро проговорил в ответ муж. — Вече приговорило: идти под каганову руку, пока добром зовут. Русам не до нас, а мы второй Бадеевой рати не выдюжим...

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

Мужчины говорили о чем-то еще, о том, что снова отстроят Казарь, о болотных убежищах, о том, что опять придется уходить в леса, но она уже не слышала.

Бадеева рать.

Вторая Бадеева рать.

О первой все никак не могли забыть старики, хотя минуло уже за сто лет. Память о ней нависала над землею детей Вятко каждую ночь — полосу из звездного серебра по черному бархату неба тут многие называли не Трояновой тропею, как те, что живут на закате, а Бадеевой дорогой. Будто навеки застыли в небе искры бесчисленных пожаров, горящих городов и весок, вставших на пути царя Бадея¹, утверждавшего в хазарской державе новую веру.

Веру, по которой только исповедующие ее были людьми.

Это тогда подчистую лег весь род князя Вятко, что привел пращуров в леса из далеких вечерних мест, лег от мала до велика — кто не пал в бою, до того дотянулись наемные душегубы. В крае не осталось князей, кончилось княжение вятичей. Непросто далась лесная земля — сложил в той войне голову и сам царь Бадей, и сын его, и внук... но слишком велика была цена. А уцелевшие... одни склонили головы, готовые каждый год отдавать по девке из каждого рода, лишь бы пришедшая с полудня нелюдь перестала

¹ О б а д и я — царь (каган-бек или малк) Хазарского каганата, при котором хазары приняли иудаизм в качестве государственной религии. Насаждение иудаизма встретило отчаянное сопротивление народов Хазарии и проводилось самыми беспощадными мерами. Захваченные города противников кагана вырезались полностью, без оглядки на пол и возраст (археологи нашли два таких полностью погибших городища — Правобережное Цимлянское и Семикаракорское).

Следуя идее Вадима Кожинова, что «татары» в фольклоре во многом заменили хазар, я придал Обадии-«Бадею» некоторые черты фольклорного (но не исторического) Батыя.

Мечеслав. «Я САМ СЕБЕ ДРУЖИНА!»

убивать и жечь. Другие — как ее предки — уходили в леса, на долгие десятилетия прощаясь с мирной жизнью, превратившись в ночные стаи хищных зверей.

Семьдесят лет. Семьдесят долгих лет прошло, семьдесят девушек с каждого рода стали рабынями, пока не пришел с полуночи под знаменем с Соколом Ольг-Освободитель.

Значит, снова. Снова тысячи купленных или пригнанных из-под палки убийц стоят у границ ее края. Они снова готовы жечь города, вырезая до младенцев в люльках, до старцев на завалинках, до собак на дворах и скота в стойлах, все, что дышит.

Женщина — освоившиеся в темноте глаза уже различали белеющую на стене руку — поглядела на свои тонкие пальцы почти с отвращением. Лапой бы когтистой быть этой руке, ей самой — стригой бы хищною летать в свите Трехликого. Обрушиваться с ночного неба на рабов кагана, рвать их мясо, пить их кровь — их, пришедших покуситься на свободу и честь ее народа, уже отнявших их у него! Лютым криком гнать, загонять в подпечки, за бабьи подолаы трусов, неспособных понять, — вот с этими, с теми, что творили все это, — договариваться нельзя! Никак! Ни о чем! Ногти прочертили по бревнам стены бледные полосы, живот скрутило вдруг, и дом поплыл вокруг нее, накренясь, будто ладья на речной волне, и пятнадцатилетняя женщина уже успела подумать, наполовину с испугом, наполовину с восторгом, что Бог Войн услышал ее и призвал, что сейчас дом распахнется в ночное небо и вскинутся за спиною черные крылья... когда поняла, что все проще, знакомей — и радостней. Что-то шевельнулось, ерзя крохотным злым волчонком внизу живота, желудок прыгнул едва ли не к самым губам.

